Е. Д. Борщукова

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу роли РПЦ как морально-нравственной и политической силы Российской империи в годы Первой мировой войны. Будучи главным носителем духовной идеологии империи, РПЦ сделала очень много для организации помощи воинам армии. Кратко рассказано о действиях военных священников. Показано, что РПЦ, в силу целого ряда объективных обстоятельств, не смогла стать силой, способной повлиять на укрепление морально-нравственного состояния российского общества последних лет существования монархии в России.

Ключевые слова: Первая мировая война, патриотизм, императорская Россия, Православная Церковь, Святейший Синод, военное духовенство.

E. Borshchukova

Russian Orthodox Church During World WAR I

The role of Russian Orthodox Church as a moral, spiritual and political power of the Russian Empire during World War I is analysed. As the dominant confession of the Empire, ROC did a lot to help the soldiers of the Russian Army. The article gives a brief description of the efforts of the military clergy and their leader, Protopresbyter Georgy Schavelsky. It is argued that the Church failed in its attempt to influence and consolidate public morale in the last years or Russian Monarchy.

Keywords: World War I, imperial Russia, Russian Orthodox Church (ROC), The Holy Synod, military clergy, patriotism, public opinion.

Первая мировая война, названная современниками Великой, как известно, закончилась для Российской империи революционными потрясениями, коренным образом изменившими ее политический строй и приведшими к гибели монархии. В управлении империей лежал принцип «симфонии властей»: светской и церковной, в российской политической традиции предполагавший (если не de jure, то, в любом случае, de facto) примат первой и олицетворявшейся фигурой «помазанника Божьего» — православного императора. То обстоятельство, что РПЦ пользовалась в России особым покровительством и имела привилегии, которых были лишены иные — «инославные» и «иностранные» — исповедания, не только (и даже не столько) ставило ее священнослужителей в привилегированное положение, сколько возлагало на них ряд важнейших государственных функций, связанных с идеологической поддержкой самодержавия русских монархов.

Безусловно, в годы Первой мировой войны, начавшейся в августе 1914 года, Церковь должна была всячески содействовать властям в деле укрепления морально-нравственных устоев (прежде всего — в армии), делая также все возможное и в организации иных форм поддержки. По-иному и быть не могло, поскольку священнослужители — как граждане своей страны — в подавляющем большинстве желали скорой победы над врагом и, как могли, стремились эту победу приблизить.

Решение стоявших перед священнослужителями грандиозных задач осложнялось целых рядом обстоятельств, напрямую никак

не связанных с самой войной. На эти обстоятельства обратили внимание. Генерал А. И. Деникин с горечью отмечал, что понятия, на которых в течение десятилетий держалась вся военная идеология России — «За веру, царя и Отечество», «в народную массу, в солдатскую толщу <…> достаточно глубоко не проникали» [4, с. 78]. По мнению генерала, религиозность русского народа к началу XX столетия несколько пошатнулась, что характеризовалось им как «процесс духовного перерождения русского народа». «Я исхожу лишь из того несомненного факта, — писал А. И. Деникин, — что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма же, отрывая людей от привычных условий быта, от более уравновешенной и устойчивой среды с ее верою и суевериями, не давала взамен духовно-нравственного воспитания. Там этот вопрос был не актуален, заслоняясь всецело заботами и требованиями чисто материального, прикладного порядка» [4, с. 78–79]. Первая мировая война изменила течение всей русской жизни, в том числе и работу православных пастырей, призванных духовно окормлять воевавшую с неприятелем армию. По данным С. Л. Фирсова, к 1914 году в империи действовали сотни монастырей, около 60 духовных семинарий и четыре академии [9, с. 83].

Однако с первыми крупными поражениями пришли апатия и раздражение действиями властей. В подобных условиях моральное воздействие — воздействие проповедью — далеко не всегда оказывалось успешным.

К тому же начавшаяся война стала для многих неожиданностью: по воспоминаниям митрополита (а в описываемое время — архимандрита) Вениамина (Федченкова), «в мирских сельских крестьянских массах <…> воодушевления не было, а просто шли на смерть, исполнять свой долг по защите Родины» [1, с. 143]. В этих условиях голос церкви, а большинство воинов российской армии являлось православными, ее напутствие и поддержка во время исключительно тяжелой борьбы против сильного врага были важны и естественны. От того, насколько она справится с этой задачей, зависело и моральное состояние армии, ее желание бороться и побеждать. Проблема осложнялась тем, что, по словам генерала А. И. Деникина, «война ввела в духовную жизнь воинов два новых элемента: с одной стороны, моральное огрубление и ожесточение, с другой — будто несколько углубленное чувство веры, навеянное постоянной смертельной опасностью» [4, с. 79].

В специальном послании по случаю начала войны Св. Синод посвятил несколько строк и русским воинам, заявив им, «что святая Церковь Христова непрестанно будет молиться ко Господу, да сохранит Он вас невредимыми под кровом Своим и да даруют венец вечного царствия тем, коим суждено будет пасть в славном бою». Высшее церковное правительство также указывало, что в войне предстоит защищать не только «братьев по вере», но и постоять за славу царя, честь и величие Родины [10, с. 347]. В принципе, это было напоминание о старом лозунге, в имперский период постоянно звучавшем в армии и являвшемся выражением «военной триады»: за веру, царя и Отечество.

Действительно, с первых же дней войны Православная Церковь приняла самое активное участие в деле организации посильной помощи армии и флоту. Уже 20 июля 1914 г. определением за № 6502 Св. Синод заявил о своей программе. Прежде всего, предусматривалось обнародовать царский манифест, напечатав его в центральном церковном органе — в «Церковных ведомостях». Разумеется, священники должны были совершить молебствие о даровании победы и в дальнейшем читать ежедневные («вседневные») молитвы о победе над врагом. Монастыри, церкви и паства призывались к тому, чтобы делать пожертвования для раненых и на помощь лицам, призванным на войну. Монастыри и другие подведомственные РПЦ

учреждения призывались подготовить все возможные места под госпитали, а также подыскать способных к уходу за ранеными лиц. Во всех храмах — в пользу Красного Креста — были установлены кружки для пожертвований. Предусматривалась подготовка монастырями и общинами лиц, умевших ухаживать за ранеными и больными, а также сбор собственными силами и средствами госпитальных принадлежностей. Православному населению напоминали о необходимости проявлять внимание к семьям призванных на войну. Клирики РПЦ должны были составлять поучения, в которых содержался бы призыв, обращенный к пастве, — содействовать успеху войны, оставив взаимные несогласия.

Разумеется, все это были лишь призывы, благие пожелания. Однако они свидетельствовали о том, что Церковь включилась в кампанию помощи власти в деле решения наиболее важного «идеологического» вопроса — патриотического воспитания православных, составлявших абсолютное большинство нижних чинов армии и флота. Это воспитание должно было подтверждаться делами, поэтому в тот же день, 20 июля 1914 г., Св. Синод принял специальное определение за № 6503 — «об организации во всех православных приходах помощи семьям лиц, находящихся в войсках». Епархиальные архиереи обязывались сделать распоряжения о немедленном образовании в каждом приходе особых попечительных советов [10, с. 347].

Ситуация развивалась стремительно: уже летом 1914 г. стало ясно, что война будет тяжелой и для успеха необходимо напряжение сил всех подданных Российской империи. Необходимо было организовать не только помощь воюющим, но и укрепить тыл. Неслучайно, поэтому, Св. Синод в конце июля обратился к пастве со специальным посланием, в котором, напоминая о необходимости покаяния, а в покаянии — и к подвигу во имя любви к Отечеству, безусловно поддержал распоряжение правительства от 17 июля 1914 г. о запрете продажи спиртного на время мобилизации. В послании в патетических тонах говорилось о необходимости организовать поход «на домашнего злейшего врага, которого народ называет зеленым змием». Было постановлено 29 августа 1914 г., в ближайший всероссийский праздник трезвости, совершить во всех храмах благодарственное молебственное пение Богу за царское начинание — борьбу с пьянством [10, с. 347]. Помощь церкви в этом деле действительно была крайне необходима власти. 22 августа 1914 г. вышел указ императора Николая II о воспрещении продажи спирта, вина и водочных изделий вплоть до конца войны. К сожалению, неизвестно, насколько эффективной была помощь православных клириков в пропаганде этого указа, но то, что государство в этой помощи нуждалось, — не подлежит сомнению. Положение, к сожалению, не улучшилось и в дальнейшем, хотя власть в данном вопросе вынуждена была пойти на некоторые уступки [10, с. 366–369]. В сложившихся условиях Св. Синод твердо следовал политике, установленной царским указом, а некоторые священники — например, депутат IV Государственной думы священник Ф. П. Адриановский — требовали, «чтобы и по окончании войны не допускать в России ни под каким видом продажи не только крепких спиртных напитков, но и виноградных вин и пива, видя в этой мере залог будущего возрождения Русского государства» [8].

Как видим, весь масштаб проблемы православные деятели прекрасно осознавали, увязывая вопросы «окормления» паствы с решением, в том числе, и острых социальных вопросов. Главным направлением деятельности высшего церковного правительства и руководителей ведомства православного исповедания стала все-таки помощь раненым на фронтах войны.

Не довольствуясь случайными пожертвованиями в Красный Крест и тому подобные организации, церковные деятели уже в первый месяц войны выступили с инициативой

сорганизоваться для оказания постоянной помощи раненым воинам. Первым по этому вопросу выступил ректор столичной духовной академии епископ Ямбургский Афанасий (Александров), 12 августа 1914 года обратившийся с особым представлением в Св. Синод. Владыка предлагал учредить специальный комитет Красного Креста в рамках духовно-учебных заведений по оказанию помощи больным и раненым воинам. В результате этого появилось определение Св. Синода от 16–18 августа 1914 г., в котором заявлялось об образовании такого Комитета [10, с. 402]. Председателем его стал архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский), в дальнейшем (во время Второй мировой войны) ставший Патриархом Московским и всея Руси. В зданиях некоторых монастырей и в принадлежавших церкви домах были организованы лазареты, содержавшиеся на денежные средства церкви и ее служителей. Был открыт этапный лазарет во имя преподобного Серафима Саровского, который разместился в помещениях Минской духовной семинарии. Учебный комитет при Св. Синоде помогал снабжать лазарет книгами назидательного содержания, содействуя образованию при нем небольшой библиотеки [10, с. 13–22]. Лазарет действовал в течение всей войны, через него прошли тысячи раненых. В дальнейшем был развернут и еще один подвижной лазарет — на Кавказском фронте, также обеспечивавшийся духовно-учебными заведениями ежемесячным содержанием.

Посильную помощь раненым воинам оказывали и высшие иерархи Церкви: в связи с началом боевых действий члены Св. Синода согласовали и иные решения, касавшиеся их личного участия в помощи воевавшей империи: определением за № 6712 от 29 июля 1914 г. «все получаемое по должности членов или присутствующих в Святейшем Синоде жалованье» было решено жертвовать на учреждавшийся Св. Синодом лазарет для больных и раненых воинов. Тогда же было принято решение о пожертвовании лицами духовного ведомства двух процентов получаемого ими содержания на военные надобности [10, с. 371–373].

Синодальный лазарет на 50 кроватей был учрежден определением от 4 августа за № 6945 и располагался в ведомственном доме обер-прокурора Св. Синода (Литейный проспект, 62) [10, с. 380]. Ранее это была официальная квартира главы ведомства православного исповедания. Лазарет назвали в честь наследника цесаревича Алексея Николаевича, торжественно открыв уже 1 сентября 1914 г. [10, с. 965], также 25 августа 1914 г. в Иоаннновском женском монастыре столицы для больных и раненых воинов был открыт лазарет в память отца Иоанна Кронштадтского — одного из самых почитавшихся в православной России священника, погребенного в нижнем храме обители.

Стремясь помочь империи, Св. Синод 19–23 сентября 1914 г. принял новое определение № 8463, в котором говорилось о привлечении учащих и учащихся в церковных школах к посильным пожертвованиям деньгами, вещами и личным трудом на нужды войны [10, с. 458]. Конечно, это была «капля в море», но сам факт организации поддержки страны, переживавшей тяжелые времена, игнорировать было бы неверно. В лице принадлежавших к духовному сословию лиц (причем не только клириков) Церковь заявляла о своем участии в общем деле борьбы с внешним врагом. То, что в дальнейшем советские историки-борцы с религией будут называть всемерной поддержкой РПЦ самодержавия, прежде всего, было естественным желанием ее наиболее активных членов внести посильную лепту в организацию победы в войне. О роли тех или иных церковных деятелей пишет в воспоминаниях Н. Д. Жевахов. Он отмечает у некоторых непонимание высоких задач, политическую близорукость и даже личную нечестность [3, с 36].

Но, все же, максимальная нагрузка в связи с началом войны легла на плечи военных священников, ряды которых с середины

1914 г. выросли значительно. Именно они духовно «обслуживали» войска, несли ответственность за «моральное состояние» частей и подразделений воевавшей России. В течение войны во главе военных священников стоял протопресвитер русской армии и флота Г. И. Шавельский, имевший большое влияние в Ставке и снискавший уважение Верховных главнокомандующих — как великого князя Николая Николаевича, так и заместившего его в 1915 г. императора Николая II. Они весьма высоко оценивали деятельность военного духовенства, отмечая его заслуги в деле мобилизации армии на бой с врагом.

В самом деле, военные священники, число которых выросло, за годы войны сумели показать себя с самой лучшей стороны, часто с риском для жизни посещая солдат на передовых позициях, при этом некоторые из них погибли на фронтах Первой мировой войны. Николай II высоко оценил подвиги военных священников, наградив их орденами и медалями. Это Георгиевские кресты, золотые наперсные кресты на Георгиевской ленте, ордена св. Владимира 3-й степени с мечами, 4-й степени, св. Анны 2-й степени с мечами, ордена 3-й степени и др.

Именно благодаря самоотверженности протопресвитера и священников «военно-духовного ведомства» многие солдаты и офицеры в военное лихолетье стали фактически церковными людьми. Прежде всего, это касалось попавших в плен, которых православные священники, несмотря на многочисленные трудности, стремились всячески поддерживать. Религиозная помощь православным «землякам» была для священнослужителей делом явно непростым — их считали шпионами, им не доверяли: священника обычно сопровождал конвоир и переводчик. Было запрещено молиться за царя и за великого князя Николая Николаевича, не разрешались также и беседы за богослужением [6, с. 483].

И все же дело «окормления» пленных было организовано. Св. Синод даже учредил специальную комиссию «по удовлетворению религиозно-нравственных нужд русских военнопленных». Определением Св. Синода от 13–20 января 1916 г. была учреждена комиссия, которая могла командировать в Австро-Венгрию и в Германию священников; снабжать находившихся в плену иереев всем необходимым для совершения богослужений; посылать военнопленным издания религиозно-нравственного, общелитературного и научного содержания [6, с. 262]. Комиссия получала различные денежные пожертвования, позволявшие ей организовать непрерывную отсылку в лагеря военнопленных всего необходимого. В этой связи следует отметить и тот факт, что 21 марта 1916 г. появился указ, в котором сообщалось, что председатель Чрезвычайной следственной комиссии сенатор Кривцов просил у Св. Синода благословения на рассылку трудов Комиссии о жестокостях немцев и об их бесчеловечном отношении к русским военнопленным — епархиальным архиереям — для оглашения в приходских церквях. Св. Синод признал распространение таких сведений желательным [6, с. 259].

Ведомство военного протопресвитера участвовало и в исключительно сложной, своего рода «миссионерской», деятельности на отвоеванных у Австро-Венгерской империи галицийских землях, где население принадлежало к так называемой Греко-католической (униатской) церкви. Причем протопресвитер русской армии и флота стремился не форсировать дело «обращения» в православие, понимая, что в условиях войны переход в лоно Православной Церкви может рассматриваться австрийскими властями как показатель политической нелояльности перешедших — со всеми вытекающими последствиями. К концу 1916 г. около полусотни православных пастырей служили в униатских приходах Галиции, в своей деятельности руководствуясь циркулярами «военно-духовного ведомства». Революция и последующие события свели на нет все усилия клириков РПЦ в этом вопросе, однако это

не дает возможности замалчивать или недооценивать их значение.

К тому же не стоит забывать, что далеко не все зависело от усердия и активности православных пастырей. Многое зависело и от общей морально-психологической ситуации, за годы войны существенно усложнившейся. Постоянно бывая на фронте, протопресвитер русской армии и флота не мог не видеть, что в войсках не все благополучно, что боевой дух не на должной высоте. Особенно опасной была ситуация в так называемых «запасных батальонах», число которых исключительно выросло в 1916 году. Некоторые батальоны насчитывали по несколько тысяч человек. Неудивительно, что священники в этих соединениях не справлялись со своими обязанностями, прежде всего, из-за масштабов требуемой от них работы. «Недостаточность наличных духовных сил для воспитания в запасных батальонах, — писал о. Г. И. Шавельский, — в особенности сильно ощутилась во второй половине 1916 года, когда усталость от войны дала себя чувствовать сильнее, и когда одновременно с этим выявились симптомы разлагающей пропаганды» [6, с. 269].

Впрочем, дело было не столько в пропаганде «шпионов-агитаторов» на фронте, а также «пораженческого лагеря наших политиков» и сектантов (в тылу), о которой писал протопресвитер, сколько в том, что общая моральная обстановка в армии в начале 1917 г. ухудшилась: приходившее на фронт пополнение было уже совершенно иным, чем в начале войны. К тому же и война не могла не расшатать нравственные устои армии. «Нравы огрубели, — вспоминал генерал барон П. Н. Врангель, — чувство законности было в значительной мере утеряно. Постоянные реквизиции — неизбежное следствие каждой войны — поколебали понятие о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжигания в массах низменных страстей, но необходимо было, чтобы искра, зажегшая пожар, была бы брошена извне» [2, с. 7].

Война показала, что религиозный индифферентизм среди православного населения усиливался, тревожные симптомы разрушения традиционных религиозных представлений, неверие наблюдались не только в городах, но и в деревне. Поражения в войне, ухудшение уровня жизни, гибель родных на фронте — все это и многое другое существенным образом влияло на рост «стихийного антиклерикализма». Даже Св. Синод в феврале 1916 г. вынужден был признать, что влияние священников на прихожан постепенно утрачивалось [5, с. 49]. Ранее, в 1915 г., в специальной записке священников-членов Государственной думы, адресованной обер-прокурору Св. Синода, отмечалось, что народ все более отходит от храма, что в среде простого народа стало заметно охлаждение к церкви и оскудение религиозного духа, что авторитет пастырей падает все больше и больше, и это иногда заставляет опускать руки даже самых лучших из них [7, с. 3].

Особенно нежелательны были эти процессы в сознании населения в период войны, в действующей армии, когда окончательно выяснилось, что достижение победы Российской империи (совместно с союзниками) — реальная, уже обозначившаяся во времени задача. В декабре 1916 г. руководитель военных священников подготовил специальную докладную генералу В. И. Гурко (замещавшему начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева), в которой доказывал необходимость принятия экстраординарных мер для духовного воспитания и укрепления армии, в особенности запасных ее частей. В период происходившей в то время подготовки к весеннему наступлению 1917 г. он решил организовать (для усиления и оживления работы на фронте представителей духовенства) съезды православных иереев. В съездах должны были участвовать все дивизионные благочинные, представители от духовенства госпиталей, санитарных поездов, запасных батальонов и т. д. Реальная жизнь внесла в этот план свои коррективы: до революции состоялся

лишь съезд военного духовенства Северного фронта, на котором звучали заверения о хорошем моральном духе войск.

Ближайшие события показали, что это было не так: революционная стихия разрушила армию, боеспособность которой оказалась полностью подорванной. Русские клирики, что неудивительно, воспрепятствовать этому не смогли. РПЦ, соединенная вековыми узами с монархией, стала заложницей происходивших в России глобальных социально-политических потрясений. Но данный факт вовсе не говорил о том, что деятельность клириков РПЦ в период Первой мировой войны была бессмысленна и бесполезна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вениамин (Федченков)*, митроп. На рубеже двух эпох М., 1994.
2. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. М.,1992. Ч. 1.
3. Воспоминания Товарища Обер-Прокурора Святого Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993.
4. *Деникин А. И.* Очерки русской Смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. М., 1991.
5. *Емелях Л. И.* Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л.,1976.
6. *Жукович А.,* священник. Из воспоминаний пленного священника // Вестник военного и морского духовенства. Пг., 1916. № 15–16.
7. Записка думского духовенства, поданная в августе 1915 г. Обер-Прокурору Святого Синода А. Д. Самарину Пг., 1916.
8. Интернет-ресурс 22 мая 2014 г.: *Иванов А.* Спас ли «сухой закон» Россию от пьянства ?//http://ruskline. ru/analitika/2012/12/10/spas_li_suhoj_zakon_rossiyu_ot_pyanstva/#_edn19.
9. *Фирсов С. Л.* Отчеты Обер-Прокуроров Святейшего Синода Как источник по истории Русской Православной Церкви 1903–1914 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Т. 23.
10. *Щеглов Г.*, священник, Первый Серафимовский. История одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918). Минск, 2014.

REFERENCES

1. *Veniamin (Fedchenkov)*, mitrop. Na rubezhe dvuh epoh M..,1994.
2. Vospominanija generala barona P. N. Vrangelja. M., 1992. Ch. 1.
3. Vospominanija Tovarishcha Ober-Prokurora Svjatogo Si-noda knjazja N. D. Zhevahova M.,1993.
4. *Denikin A. I.* Ocherki russkoj Smuty. Krushenie vlasti i armii. Fevral'-sentjabr' 1917g. M., 1991.
5. *Emeljah L. I.* Krest'jane i Tserkov' nakanune oktjabrja. L.,1976.
6. *Zhukovich A.,* svjashchennik. Iz vospominanij plennogo svjashchennika // Vestnik voennogo i morskogo duhovenstva. Pg. 1916, № 15–16.
7. Zapiska dumskogo duhovenstva ,podannaja v avguste 1915 g. Ober-Prokuroru Svjatogo Sinoda A. D. Samarinu. Pg., 1916.
8. Internet-resurs 22 maja 2014 g :Ivanov A. Spas li «suhoj zakon» Rossiju ot p'janstva ?//http://ruskline.ru/analitika/2012/12/10/spas_li_suhoj_zakon_rossiyu_ot_pyanstva/#_edn19.
9. *Firsov S. L.* Otchety Ober-Prokurorov Svjatejshego Sinoda Kak istochnik po istorii Russkoj pravoslavnoj tserkvi 1903–1914 g. // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. L., 1991. T. 23.
10. *Shcheglov G.,* svjashchennik, Pervyj Serafimovskij. Istorija odnogo lazareta v sobytijah i litsah. (1914–1918). Minsk, 2014.